

3-
РИЯ УЧЕБНИКОВ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ • № 2

ред.

491.71(082)
З-484

Дорев
В. ЗЕЛЕНКО и Г. ТУМИМ

З-48

□ □ □

К С В Е Т У

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

ЧАСТЬ I

ПЕТРОГРАД
1918

В. ЗЕЛЕНКО и Г. ТУМИМ

ред.

491.71(02)

3-484

195027

58186

7777

1923

ПОСЛ.
СЛОВА
ПОИСКОВАЯ
СИСТЕМА
ПОД № 021 0594309.

С В Е Т У

ПЕТРОГРАД.

Культурно-просветительное кооперативное товарищество «НАЧАТКИ ЗНАНИЙ».

1918.

си

Н. К. П.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
~~НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ~~

Третья Государственная Типография.

Контрольная библиотека
№ 154337
154337 ред.

КОНТРОЛЬНАЯ

11/10

К СВЕТУ.

Стихотворение Л. Котомки.

Гляжу в свое оконце:
тускло и темно.
Скоро-ль будет солнце?
Нет его давно!

Жить во мраке больно,
жить во тьме нет сил.
Эх! вздохну-ка вольно:
свет уж очень мил!

СЧАСТЬЕ.

Сказка Василия Зеленко.

Н У Ж Д А Г О Н И Т .

Жил Степан Желудов. Семья у него была большая—восемь человек детей, больная жена и старик отецъ. Как ни бьётся Степан, как ни работает, а в доме—нехватка. Днём—за работой—и ночью думал Желудов, как зажить лучше, как помочь своему горю. А тут, как на беду, и работы не стало. Степан совсем опу-

стил голову. Сунулся к одному соседу, к другому, сходил в имение к помещику, и всё без пользы. Вернулся домой мрачнее тучи. Не говоря ни слова, взял топор и лопату и пошёл в город. Идет, а на душе кошки скребут: жалко детей, жену. Шагает Степан и думает:

— И что я за несчастный — другие и не работают так, как я, а живут хорошо. Лучше бы мне и не родиться.

СЧАСТЬЕ УЛЫБАЕТСЯ.

Только это он подумал, как перед ним, точно из земли, вырос какой-то человек. Степан даже вздрогнул.

— Ты кто такой и откуда?—спросил Степан и сжал правой рукой топорщице.

— А тебе разве не всё равно?—откликнулся тот:—скажи лучше, что голову повесил?

Степан обрадовался случаю, и рекой полилось из

его души большое, большое горе.

— Посуди сам — жаловался он: дети малые есть просят, жена хворая. старик отец, работы нет.

— Чего ж тебе не хватает?

— Как чего? Ишь ты какой непонятливый — хочу счастья. Я хуже других, что-ль? Вон сосед...

— погоди! — перебил Степана человек.

Тут только Желудов заметил, что перед ним

стоял весь седой, обросший волосами, дед.

— Постой! ещё раз повторил дед: счастье, брат, штука не простая: мало добыть его—надо суметь удержать. Можешь ты это?

— Ах ты Господи! неужто хуже других, да мне бы, слышь, только подцепить, а там—во как...

— Будет!—снова перебил дед: помолчи!

Степан вытаращил глаза.

Дед порылся за пазу-

хой, вынул оттуда узелок и, отдавая его Степану, сказал:

— Здесь счастье, понял?

— Ну?

— Ступай домой и воспользуйся.

Не сумеешь—кори себя.

Сказал и провалился, точно в землю. Степан протёр глаза, что-то помычал, затем огляделся по сторонам—не видел ли кто, и, не переводя духу, понёсся домой. Отовсюду ему слышалось—счастье! счастье! счастье!

За поясом болтался топор, под мышкой лопата, а обе руки крепко сжимали за пазухой узелок.

ТРЕВОГА.

У дома Степана окликнул сосед:

— Степанушка, приди канавы копать!

Степан только буркнул что-то и умчался к себе...

Вечером, когда уснули дети, и перестала кашлять жена, Степан осторожно развернул узелок... Его колотило, как в ли-

хорадке: вдруг счастье вырвется и улетит, и Степан останется опять на бобах.

— Но где же счастье? Ах ты старый хрен!—в узелке лежала пожелтевшая драная бумажёнка!

Не веря своим глазам, Степан обшарил у себя за пазухой, на столе, исползал весь пол, внимательно осмотрелъ тряпку и принялся разглядывать бумажку. Дед не даром же сказал: сумей

воспользоваться. Поднеся бумажку к свету, Степан увидел, что на ней было что-то написано.

Сердце у него снова застучало радостно:

— Есть!—подумал он, но сейчас же вспомнил, что прочесть написанного некому—в семье все были неграмотные.

— Как же быть?—рассуждал Степан—вот в чём задача. Ну, ладно, дед, теперь полгоря—завтра схожу к дьячку.

С этой мыслью Степан

лёг спать. Всю ночь ему снилось, как он, и его дети, и жена, и старик отец, перебрались в новую избу, завели хороших лошадей, коров, всего у них вдоволь. Степан похаживает и радуется:

— Ну-ка, мол, погляди-те, какой такой Степан есть.

Но под самое утро, когда Степан стал просыпаться, его точно обухом по лбу хватили:

— Дьячок то прочтёт, тебе то и не скажет—

голь, ведь, тоже непокрытая.

Вскочил Степан, заметался.

— А что же? и не скажет, ей Богу, не скажет.

И снова повесил голову бедняга.

Днем он пошел к соседу.

Раз-два хватит лопатой и задумается, встряхнет головой. лоб потрёт, точно там у него кто-то большой, лохматый топчется на одном месте.

— Стой!—громковскрик-

нул Степан: ну, а если самому научиться?..

И не успел он досказать, бросил лопату и побежал через поле к дьячку.

— К твоей милости, Панфилыч!

— Ну!—промычал тот.

— Обучи грамоте!

Дьячок отставил чашку с чаем, вынул изо-рта недопитый кусок сахара и застыл от изумления...

Степан неловко топтался.

— Что сказал ты?—на-

конец пришел в себя дьячок.

— Обучи грамоте!— повторил Степан.

— Грамоте?—

— Да, заставь, кормилец век Богу молиться...— стоял Степан на своем.

Сначала дьячок решил, что Степан—хватил с горя. Раза два он приближался к нему, но духа зелья не учуял.

—Быть по сему! произнес он...

С той поры каждый вечер сидел Степан у дьяч-

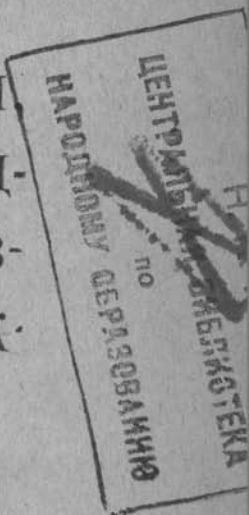
ка до глубокой ночи и повторял тягуче—бе—а—ба—ба, ве—а—ва—ва. Голова работала плохо, глаза от усталости слипались, но Степан не переставал...

Прошло много времени и вот однажды, придя поздно домой, Степан развернул заветную бумажку и стал разбирать: У—у—у—тянул он.

И вдруг, точно живое, выросло перед ним:

— Учись!

Еще раз пробежал Сте-

пан, и еще раз сердце его прожгло:

— Учись!

— Господи! Неужто! Неужто, задыхаясь от обуявшей радости, восклицал Степан.

— Учись и...будешь счастлив...

— прочел он: найдешь дорогу к свету!

КАК ПРОЗРЕЛ ВАСИЛИЙ РЫБАКОВ.

Из рассказа Максима Горького.

Василий Рыбаков, угрюмый парень, силач, любивший молча толкать людей плечом так, что они отлетали от него мячиками, этот молчаливый озорник отвел меня однажды в угол, за конюшню и предложил мне:

— Лексей—научи меня книгу читать, я тебе полтину дам, а не научишь—бить буду, со света сживу, ей Богу, вот—крещусь.

И размашисто — пере-
крестился.

Я побаивался его угрю-
мого озорства и начал
учить парня со страхом,
но дело сразу пошло хо-
рошо. Рыбаков оказался
упрям в непривычном тру-
де и очень понятлив. Не-
дель через пять, возвра-
щаясь с работы, он та-
инственно позвал меня к
себе и, вытащив из фу-
ражки клочек измятой
бумаги, забормотал, вол-
нуясь:

— Гляй—это я с забо-

ра сорвал, что тут сказано—а? Погоди—„продается дом“ — верно? — Ну—продается.

— Верно.

Рыбаков страшно вытаращил глаза, лоб его покрылся потом; помолчав, он схватил меня за плечо и, раскачивая, тихонько говорил.

— Понимаешь—гляжу на забор, а мне будто шепчет кто: „продается дом“. Господи помилуй... Прямо, как шепчет, ей-Богу. Слушай, Лек-

сей, неужто я выучился—
ну.

— А читай-ка дальше.

Он уткнул нос в бумагу и зашептал.

— Двух—верно?—этажный, на каменном“...

Рожа его расплылась широчайшей улыбкой, он мотнул головой, выругался матерно и, посмеиваясь, стал аккуратно свертывать бумажку.

— Это я оставлю на память—как она первая... Ах, ты, Господи... Пони-

маешь,—как будто шепчет—а? Диковина, брат.

Я хохотал безумно, видя его густую, тяжелую радость, его детское милое недоумение перед тайной, вскрывшейся перед ним, тайной усвоения посредством маленьких черных знаков чужой мысли и речи, чужой души.

НА БОЛЬШУЮ ДОРОГУ.

Рассказ Фомича.

ЖЕНИТСЯ—ПЕРЕМЕНИТСЯ.

— Милые мои родственники—говорил купец Алексей Семенов: Сладу нет с парнишкой—отбился от рук...

— Да, да, — перебила Алексея жена: и откуда, прости Господи, уродился такой—ночью за книжкой, днем за книжкой...

— А то вылезет, как трубочист, на крышу и по целым часам звезды считает—снова начал Се-

менов. Срамота. Соседи засмеяли. Пошел третьего дня обедать. Оставил в лавке. Возвращаюсь. И что ж? Сидит на пороге, в руках книжка, а из-за углов мальчишки:

— Федька, почем печенка?

— Звездочет! ты на небо-то, небось, в воловью кишку глядишь.

— Колдун! Твой отец то знает, что ты чернокнижник?

Увидели меня, разбежались. Подошел.

— Федор,—говорю ему:

а Федор! Бога, брат, в тебе нет.

— Ну, а он что?—заговорили все родные сразу.

—Что! Да ничего—сне-го, как с гуся вода: ве-чером опять на крышу полез, когда легли в до-ме спать.

—Посоветуйте, что де-лать?

— Известно что,—заго-ворили родственники: же-нить, вот и вся недолга—женится переменится.

На том и порешили.

ВЫДУМАЛИ ТОЖЕ.

— Ну, что, Перпетуя Харитоновна, наклевывается?

— Куда те, мать моя, и слышать не хотят: за такого, говорит, обломона, за колдуна, да ни в жисть. Что, говорит, я дура, чтобы за черно-книжника выходить замуж, семиглавику душу продавать, да будь он трижды проклят. А отец, ее, мать ты моя, так рас-свирепел даже: я, говорит, Харитоновна, тебя че-

стной свахой считал, а выходит, что и тебя сатанинское-то золото прельстило—дочь мою сватаешь за слугу Вельзевула. Уйди, говорит, и на глаза не кажись!

— Перпетуя Харитоновна, что делать!—Плаксиво начала мать Федора: может, ты сходишь к Анисимову.

— Была, мать моя, была.

— Ну?

— Да, что, мать моя! Чуть заикнулась, расхохотались прямо в глаза:

— Выдумали,—говорит,—тоже. Мы, говорит, слава Богу, православные и родниться с сатаной нам не к чему. С Богом! Ищи, свашенька, кто поглупее.

КОЛДУНА ВЕНЧАЮТ.

Задолго до венчания по всему Курску передавали из уст в уста, что колдуну не надеть венца—сгинет.

Дьякон не верил в нечистую силу, но все же и у него в душе копо-

шился какой-то неясный страх.

— Кто его знает,—говорил он утром жене: может, и, вправду, неладно будет.

— Да уж поверь мне,—вставила дьяконица: не даром-же пришлось им из подгорной слободы вытаскивать эту кралю—ямщикову дочку. Был-бы путевый, так разве любая не пошла? отец то его-купец богатый... Ох, боюсь я за тебя, отец дьякон, боюсь—не взять бы вам греха на душу...

К назначенному часу у церкви собралась громадная толпа. Встречали жениха, потом невесту, потом ввалились все гурьбой в церковь. С насмешкою поглядывали на невесту и с любопытством ждали скандала. Но все прошло чинно и благородно.

Долго рассказывали в городе всякие небылицы, но потом забыли о Федьке, глупом сыне мясника Семенова.

ЖЕНИШКА ПРОМОРГАЛИ.

Не прошло и пяти лет, как о сыне Семенова заговорили снова.

— Слышали? — спрашивал один купец другого.

— Что?

Ну, неужто не знаете?— Мясник-то, Федор, сын Алексея Семенова, трубу выдумал, на небе все видно, как на ладони. Из Питера приезжают, из Москвы разные знатные люди в нее смотреть.

— Не может быть!

— Вот крест. Очень его

одобряют—стоющий, говорят, человек.

— Выходит, значит, что ты, Иван Макарыч, со своей-то дочкой женишка-то и проморгали.

— Ты, ты! — передразнил Иван Макарыч говорившего: а кто больше всех трубил по всему Курску: колдун, черно-книжник, звездочет, дурак набитый...

Мирная беседа скоро перешла в ссору, и дальше уже ничего нельзя было разобрать...

НЕ ФЕДЬКА, А ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ.

— Говорите же, кого выбирать в старосты мещанского общества?

Федора Алексеича.

А это кто такой?

Федор-то Алексеич?

Ну, брат, и хватил тоже—Федора Алексеича Семенова не знаешь.

— Это, что на ямщиковой дочке из подгорной женили; колдун Федька?..

Шш... заткнись,—вон идет.

Теперь, братец ты мой, не Федька, а Федор Але-

ксеич, большой человек, сказал тихонько говоривший.

Начались выборы, и все стихло...

СВОИМ ТРУДОМ.

— Дяденька! видел?

— Чего это?—отозвался старик.

— Дощечки на углах нашей улицы поснимали и приколотили новые.

— Ну, так что ж?

— А чего там написано хочу пойти узнать.

— Написано там, другой мой,—Семеновская улица.

— Почему это, дяденька, была одна улица и вдруг ее назвали Семеновской?

— Э, да ты, видно ничего-то, парень, не знаешь.

— А что?

— Ну, слушай,—так и быть, расскажу: вот на этой улице жил Федор Алексеевич Семенов. В этом году исполнилось восемьдесят лет, как он родился.

— Восемьдесят лет.

— Да. Постой - ка, а

ты знаешь, какой теперь год?

Парень глубоко задумался.

— Тысяча,—начал, он—тысяча... и запнулся.

— То-то тысяча. Скоро усы под носом выростут, а этого до сей поры не знаешь: тысяча восемьсот семьдесят пятый. В твои годы Федор Алексеевич Семенов уже мог сам высчитать, сколько верст до солнца, до луны; знал, где какая звезда сейчас находится и как называется...

— Так его, поди, учили.
— Вот в том то и штука, что нет,—он сам до всего дошел, самоучкой был. Напротив—мать и отец все время сердились и не давали заниматься. Нарочно рано женили, чтобы он бросил науки.

— Ну, а он что?

— А он делал свое: по ночам вставал, не доедал, не допивал из-за наук и дошел до всего своим трудом. Сам трубу придумал и своими руками сделал. В эту трубу он рассматри-

вал звезды, солнце, луну, а потом описывал в книгах, что видел. Ученые люди уважали его за труд, за ум и за его науку.

А наш город открыл школу его имени, назвал улицу эту Семеновской и вон на том доме поставил трубу, в которую можно смотреть на звезды.

Да, парень, великое дело уменье учиться.

Подросток глубоко задумался, а старик принялся за свое дело.

САМОУЧКА ШКУЛЕВ.

У МЕНЯ НЕ БОГАДЕЛЬНЯ.

В конторе фабрики Либиша все сразу затихло: хозяин приехал. Писаря, конторщики, счетоводы уткнулись в свои бумаги и застыли. Сторож широко распахнул дверь и низко поклонился хозяину. Но лишь только Либиш перешагнул порог, как ему навстречу вышла старуха:

— Батюшка, будь отцом родным,—начала она: возъ-

ми моего Филью снова на работу.

Либиш закинул назад голову, на минуту приостановился и бросил вопросительный взгляд в сторону служащих:

— Это еще, мол, что такое?

Старший конторщик точно прочел мысли хозяина:

— Это мать Фильки Шкулева; он у нас работал и из-за баловства попал рукой в машину.

— Ну?—строго сказал хозяин.

— В больницу его положили,—продолжал подобострастно конторщик: теперь старуха просит принять снова-с.

— Не надо, — отрезал Либиш.

При этих словах старушка вздрогнула: дома еще один ребенок, нужда, ей не под силу бороться с голодом и холодом.

— Кормилец, начала она снова: будь отцом сироткам, не дай погибнуть...

— На что он мне теперь, урод-то, у меня не богадельня!—сердито оборвал ее Либиш.

— Батюшка, да ведь он у тебя же на фабрике и ручку-то потерял.

Эти слова взбесили хозяина:

— Что?—грозно зарычал он, и, обернувшись к сторожу, крикнул:

— Вон ее, вон сейчас, и ворота запри!

— Батюшка, родимый...

— Ступай, ступай,—ворчал сторож и, когда Шку-

лева очутилась на крыльце, тихонько добавил:

— Говорил тебе не ходи: разве в нем есть душа. Иди, иди, родная!

Ворота захлопнулись. Грустно стояла Шкулева и не могла двинуться с места. Около нее стоял ее мальчик Филя. Ребенку только десять лет, но думы его уже давно не детские: нужда, горе и голод сделали его раньше времени взрослым человеком. Он прижался к матери и слабым голосом начал:

— Матушка, родимушка, не плачь, не горюй: я снова буду ходить с тобою по стиркам, снова буду носить для господ воду, чистить самовары.

При этих словах мать не выдержала: слезы хлынули градом из ее глаз.

— Филенька, голубчик, где тебе воду носить, вон твоя правая рученька плетью висит.

— Ничего, матушка, ничего, я левой буду, я тебе помогу...

ПИСАРЯМИ ОСТРОГИ
ЗАГРУЖЕНЫ.

Как хорошо: хозяин ушел на весь день закупать овощи, приказчик обедает, покупателей нет! Шкулев высунулся в дверь, посмотрел кругом, затем вернулся в овощную лавку, где он состоит молодцом-рабочим, тихонько достал книжку и стал читать. Мысли его унеслись далеко-далеко: он забыл про работу, забыл про жестокость людей, про горе. И казалось

ему, что все люди такие добрые, мягкие, все они понимают, как рвется душа Филиппа Шкулева к ученью. Откуда-то из глубины души всплыло воспоминание о матери. Трудно ей, тяжело, но какая она ласковая, как она все с полслова понимает.

Мысли Филиппа уносятся далеко-далеко от овощной лавки.

Потом он берет кусочек оберточной бумаги, и его левая рука сама-собой начинает писать:

Поденщицей-прачкой была моя мать
И мне навсегда говорила:
Придется, сынок, тебе много страдать,
Пока ты дойдешь до могилы,
Но духом не падай,—таков уж удел
Всех бедных, судьбой обойденных.

— Ты опять! Ах ты
мразь ты этакая, а! Сколь-
ко я тебе раз говорил,
что и без тебя писарями
остроги загружены, а ты
все за свое. Ишь разло-
жился, барин какой! По-
чему в лавке не прибрано,
почему свекла не на мес-
те? Ну, так вот тебе, вот!
На, получай за свою науку.
Я те обучу, щенок не-
счастный!

И грубая рука хозяина увесисто падала на шею, голову, плечи...

НА НОВОМ ПУТИ.

— Скажите, пожалуйста, нет ли здесь Филиппа Степановича Шкулева?— спросил почтальон, входя в овощную лавку.

— Это я.

— Получите, — сказал тот, протягивая письмо.

Шкулев дрожащими руками вскрыл конверт и быстро пробежал несколько строк, пробежал

и чуть не подпрыгнул от охватившей его радости.

— Неужели? — воскликнул он. К счастью, в лавке никого не было.

— Неужели? — повторил он еще раз и вслух прочел несколько драгоценных строк — Ваше стихотворение будет напечатано в сборнике «Наша хата».

Это было весной 1890 года. Скоро оставил Шкулев лавку овощника, и для него началась новая жизнь — он стал писателем.

Тяжел труд русского

писателя—спутниками его жизни были: нужда, голод, страдания, гонения и притеснения начальства. Не избавился от них и Шкулев—так, в 1911 году он царскими судьями за редакторство в газете был засажен в тюрьму. Но что значат эти страдания, когда новый путь озарен ярким и чистым светом служения ближнему, светом знания!

Спустя двадцать пять лет товарищи Шкулева, главным образом, такие

же, как и он, самоучки, устроили в честь его праздник—они отметили два с половиною десятка лет честной работы Филиппа Степановича.

В последние годы Шкулев живет в своей родной деревне Печатники, недалеко от Москвы.

Из народа он вышел, своими трудами пробил себе путь к свету, и на этот путь, путь новый, зовет и других.

СМЕЛО ИДИ.

Стихотворение Филиппа Шкулева.

В зори прекрасные,
В звезды лучистые,
В песни согласные,
В помыслы чистые,

В силу труда
Верьте всегда!

К правде нетления,
К светочу знания
Все помышления,
Все упования

Ты направляй,
Жизнь всю отдай!

С доброй, пылающей
Искрой в груди
К братьям страдающим
Смело иди!..

Будешь вовек
Ты—человек!

ДУМЫ САМОУЧКИ.

Каждую минуту, каждый час и день, из года в год, из столетия в столетие все вокруг нас меняется: был человек ребенком, стал взрослым; попало в землю семя, обратилось в ветвистое дерево, было между гор озеро, заросло с годами и стало болотом; было ровное место, пошли дожди образовался овраг. Все люди

видят или, как говорят, наблюдают, что делается вокруг них. И перед каждым постоянно, от малых лет и до глубокой старости, встает вопрос—почему заболел человек, отчего умер; отчего произошел пожар; что причиной заразной болезни; чем вызван падеж скота; почему люди жили мирно и вдруг стали воевать?..

Каждый человек как-нибудь да объясняет все происходящее: его ум, его душа заставляют искать

объяснений всего происходящего. А когда мы чего-нибудь доискиваемся, то нас это терзает, мучает, вызывает в нас различные чувства, или переживания.

Своими думами и чувствами (переживаниями) мы делимся с другими— с родными, знакомыми и незнакомыми.

Идет, например, кто-нибудь по улице и вдруг видит, как обваливается строящийся дом, как вместе с лесами и кирпичи-

нами падают люди, разбиваются. Картина тяжелая. Сбегаются со всех сторон люди; одни помогают пострадавшим, другие рассказывают, отчего и как все произошло, делятся своими думами, своими переживаниями. Здесь смешиваются все—чужие и свои, близкие и далекие.

Едет крестьянин в поле. Раннее утро. Свежо. Солнце чуть-чуть забрежжило из-за леса. Но вот все светлей и светлей,

восток горит все ярче и ярче, и вдруг брызнули на землю лучи света, полились, залили все.

Потянул ветерок, встрепенулись птицы — даже они, бессловесные, откликнулись на восход солнца. Быстрее застучало в груди и сердце землероба, и он чувствует солнце, а раз чувствует, то и думать будет. И одна за другой в голове рождаются мысли: вот солнце согреет землю, земля родит хлеб, хлеб

наш кормилец. На душе у труженика радостно, вёсело, и хочется ему излить свою душу, поделиться с кем-нибудь. Но кругом ни души.—Тогда крестьянин обращается к лошади и говорит:

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбелим железо
О сырую землю.
Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.
Весело на пашне;
Ну, тащися, сивка!

Солнце осветило землю, обогрело, задело душу человека, и он встрепё-

нулся—у него появились радостные думы и хорошие чувства.

В постоянных думах, в стремлении найти объяснение происходящего, в переживаниях радостных и тяжелых состоит духовная жизнь человека.

Чем больше думает человек, чем больше переживает он, тем глубже его душа, острее ум.

Много переживший и передумавший и другим людям может хорошо передать свои мысли—рас-

скажет так, что все слушают с затаенным дыханием, или споет песню, от которой покатятся слезы.

Эх, приятель, и ты видно горе видал,
Коли плачешь от песни веселой.

Нет, послушай-ка ты вот, что я испытал,
Так узнаешь о жизни тяжелой!

Есть такие мастера,
которые красками, карандашом,
углем могут передать то,
что видели, что пережили.

Другие могут всколыхнуть,
взбередить чужую душу музыкой.

В древние времена, когда человек с трудом раз-

бирался во всем происходящем, свои думы и чувства он передавал просто. Видел солнце, приятно ему было, и он мурлыкал про себя:

А вот солнышко, солнышко
хорошо греет и мне тепло.

А вчера шел дождь, и было холодно,
неприятно.

Но с каждым днем его думы, его чувства нарастали, и он уже стал складывать то рассказы, то сказки, то песни. Из глубины времен до нас дошли, из уст в уста, переживания и думы наших пред-

ков в сказках, загадках, приметах, заговорах, наговорах, былинах. Мало-по-малу человек научился передавать свои думы и переживания за сотни тысячи верст; мы получили возможность беседовать с нашими предками, жившими тысячи лет тому назад. Это была великая победа человека — победа над смертью и временем — человек научился записывать свои думы и переживания.

И теперь каждый из

нас, сидя у себя в комнате, может залететь на солнце, к далеким звездам, беседовать с нашими предками, узнать, как жили люди в старину, как живут и работают они в других странах, каких трудов стоило им все то, что мы видим вокруг себя.

Для того, чтобы взлететь в надзвездные миры, побывать у предков, у других народов, в других странах—надо совсем-совсем немного: надо научиться читать. Перед

тем, кто не пожалеет труда, не пожалеет усилий и выучится читать, откроется путь к свету, к чистым думам и светлым переживаниям,— тот узнает новые радости жизни, бодрее и тверже пойдет жизненным путем.

В этой книге рассказано о нескольких самоучках, здесь напечатаны их думы и переживания в рассказах и песнях. Трудно им было: много помех пришлось преодолеть на пути, но они прорвались

сквозь строй нужды, голода, насмешек и побоев! Прорвались и обрели то, чего не имели:—почувствовали животворящую силу света, знания.

В наше время путь к свету доступен. И чтобы вступить на него, надо только заставить себя поработать, побороть свою неподвижность.

Работайте-же, не покладая рук!

ЖЕНА ЯМЩИКА.

Стихотворение И. С. Никитина.

Жгуч мороз трескучий,
на дворе темно;
серебристый иней
запустил окно.

Тяжело и скучно,
тишина в избе!
только ветер воет
жалобно в трубе,
И горит лучина,
издавая треск,
на палати, стены
разливая блеск.

Дремлет подле печки,
прислонясь к стене,
мальчуган кудрявый
в старом зипуне.

Слабо освещает
бледный огонек
детскую головку
и румянец щек;

тень его головки
на стене лежит;
на скамье, за прялкой
мать его сидит.

Ей не даром снился
страшный сон вчера:
вся душа изныла
с раннего утра.

Пятая неделя
вот к концу идет.
Муж—что в воду канул—
весточки не шлет.

„Ну, Господь помилуй,
если с мужиком
грех какой случился
на пути глухом!

„Дело мое бабье,
целый век больна;
что я буду делать
одиной—одна!

Сын еще ребенок,
скоро-ль подрастет?
Бедный!.. все гостинца
от отца он ждет!..“

И глядит на сына
горемыка-мать:

„Ты бы лег, касатик,
перестань дремать!

— „А зачем же, мама,
ты сама не спишь,
и вечер все пряла,
и теперь сидишь?

„Ох, мой ненаглядный,
прясть-то нет уж сил:
что-то так мне грустно,
божий свет не мил!“

— „Полно плакать, мама!“
Мальчуган сказал
и к плечу родимой
головой припал.

— „Я не стану плакать.
Ляг, усни, дружок;
я тебе соломки
принесу снопок,
постелю постельку,
и Господь пошлет
твой отец гостинец
скоро привезет;

„новые салазки
сделает опять,
будет в них сыночка
по двору катать...“

И дитя забылось,
ночь длинна-длинна...
мерно раздается
звук веретена.

Дымная лучина
чуть в светце горит,
только вьюга как-то
жалобней шумит.

Мнится, будто стонет
кто-то у крыльца,
словно провожает
с плачем мертвеца...

И на память пряхе
молодость пришла,
вот и мать-старушка,
мнится, ожила.

Села на лежанку
и на дочь глядит:
„Сохнешь ты, родная,
сохнешь, говорит;

„где тебе, голубке,
за мужем-то жить,
труд порой рабочей,
в поле выносить!

„И в кого родилась
ты с таким лицом?
Старшие то сестры
кровь ведь с молоком;

„И разгульны, правда,
нечего сказать,
да за то им шутка
молотить и жать.

А тебя за разум
хвалит вся семья,
да любить-то... любит
только мать твоя.“

Вот в сенях избушки
кто-то застучал.

„Батюшка приехал!“
мальчуган сказал.

И вскочил с постели,
щеки ярче роз.

„Батюшка приехал,
калачей привез!..“

— „Вишь мороз как крепко
дверь-то прихватил!“
грубо гость знакомый
вдруг заговорил...

И мужик плечистый
сильно дверь рванул,
на пороге с шапки
иней отряхнул.

Осенил три раза
грудь свою крестом,
почесал затылок
и сказал потом:

— „Здраствуешь соседка!
как живешь, мой свет?..
экая погодка,
в поле следу нет!

„Ну, не с доброй вестью
я к тебе пришел:
я лошадок ваших
из Москвы привел.“—

„А мой муж?“ спросила
ямщика жена,
и белее снега
сделалась она.

— Да в Москву приехав,
вдруг он захворал,
и Господь бедняге
по душу послал.“—

Весть, как гром упала...
и едва жива,
перевесть дыханья
не могла вдова.

Опустив ручки,
сын дрожал, как лист...
за стеной избушки
был и плач и свист.

— „Вишь, какая притча!“
рассуждал мужик:
„верно я не впору
развязал язык.

А, ведь, жалко бабу,
что и говорить!
скоро ей придется
по миру ходить.

Полно горевать-то,“
он вдове сказал:

„стало, неча делать,
Бог знать наказал!

„Ну, прощай покуда,
мне домой пора;
лошади-то ваши
тут вот у двора.

Да!.. ведь эка память,
все стал забывать:
вот отец сынишке
крест велел отдать.

Сам он через силу
с шеи его снял,
в грамотке мне отдал
в руки и сказал:

— „Вот благословенье
„сыну моему;
„пусть не забывает
„мать—скажи ему“.

„А тебя-то, видно,
крепко он любил:
по-смерть твое имя,
бедный, он твердил.“

ИЗВОЗЧИК.

Рассказ С. К.

Спустив седока, Емельян Журавлев остановился около уличного фонаря и сосчитал деньги. К великому его удовольствию, денег в кошельке оказалось на целый полтинник больше, чем нужно для выручки. После столь счастливого открытия Емельян почувствовал желание согреться, напить-

ся чайку и, недолго размышляя, он подобрал вожжи, хлестнул кнутом тощую мохнатую лошаденку и направился в ближайший трактир.

Вскоре он сидел в грязной дымной чайной.

Перед ним на столике дымился только что поданный горячий чай, а сам он с наслаждением ел треску с картофелем и думал о том, что сегодня он может пораньше ехать на квартиру и хоть раз хорошенько выспаться.

„Дядя“ (так извозчики называют хозяина) сегодня останется им доволен и не будет ругаться и лезть с кулаками.

Выпив несколько стаканов чаю, он согрелся и разомлел; его стал клонить сон, и вскоре чайную огласил храп изнуренного Емельяна.

— Ишь ты, сердешный, как умаялся!—проговорил сосед—извозчик, прерывая начатый рассказ о том, как от него убежал седок.

— Ну и вот, братец ты мой,—продолжал рассказчик—и стою я угол Ки-рочной и Литейного и вдруг слышу: „Извозчик!“ Слово извозчик он произнес так же солидно, как произносят его важные господа...

И вдруг спавший крепко Емельян встрепенулся и, полуобернувшись к соседнему столику, схватился и дернул за край грязной скатерти.

— Пожалуйста-с!—произнес он сквозь сон.

— Но, ты, дура, што делаешь — то? — грубо окликнул его сосед и быстро схватил Емельяна за руку, но было уже поздно.

Посуда со звоном полетела на пол и превратилась в кучу осколков, а от разлившегося кипятка и чая образовалась большая лужа.

Посетители чайной оставили свои места за столиками и окружили Емельяна; все говорили и смеялись.

Подошел буфетчик и

потребовал с Журавлева рубль пятьдесят копеек за разбитую посуду. Емельяну это показалось дорого, но торговаться ему было стыдно, и он отдал буфетчику деньги — половину своей дневной выручки.

Через пять минут он уже выезжал со двора, дергая возжами, покрикивал на лошаденку, неохотно покидавшую двор:

— Но, но, дура! бойся!

И мысли, тяжелые, безотрадные мысли, нахлынули на Емельяна.

П Е С Н Я.

Стихотворение Николая Цыганова.

Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан:
Не входи, родимушка,
Попусту в изъян!

Рано мою косыньку
На две расплетать!
Прикажи мне русую
В ленты убирать!

Пускай непокрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкие
Веселит собой!

То-ли житье девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться замужем
Охать да вздыхать?

Золотая волюшка
Мне милей всего!
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего!

— Дитя мое, дитяtko,
Дочка моя милая!
Головка победная,
Неразумная!

Не век тебе пташечкой
Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
По цветам порхать:

Поблекнут на щеченьках
Маковы цветы;
Прискучат забавушки —
Стоскуешься ты!

А мы и при старости
Себя веселим:
Младость вспоминаючи,
На детей глядим!

И я, молодешенька,
Была такова:
И мне те же в девушках
Пелися слова!

ПУТЬ К СВЕТУ ТРУДЕН.

Из повести Максима Горького «В людях».

И грустно и смешно вспоминать, сколько тяжелых унижений, обид и тревог принесла мне быстровспыхнувшая страсть к чтению!

... Я стал брать маленькие, разноцветные книжки в лавке, где по утрам покупал хлеб к чаю... Старуха несколько раз уничтожала книги, и вдруг

я оказался в долгу у лавочника на огромную сумму — в сорок семь копеек! Он требовал денег и грозил, что станет отбирать у меня за долг хозяйские, когда я приду в лавку за покупками.

— Что тогда будет? — спрашивал он меня издеваясь.

Был он нестерпимо противен мне и, видимо, чувствуя это, мучал меня разными угрозами, с наслаждением особенным: когда я входил в лавку,

его пятнистое лицо расплывалось, и он спрашивал ласково:

— Долг принес?

— Нет.

Это его пугало, он хмурился.

— Как же? Что же мне к мировому подавать на тебя, а? Чтобы тебя описали, да—в колонию?

Мне негде было взять денег—жалованье мое платили деду,—я терялся, не зная, как быть. А лавочник, в ответ на мою просьбу подождать с упла-

тою долга, протянул ко мне масляную, пухлую, как оладья, руку и сказал:

— Поцелуй—подожду!

Но когда я схватил с прилавка гирю и замахнулся на него, он, приседая, крикнул:

— Что, что ты, что ты—я шучу!

Понимая, что он не шутит, я решил украсть деньги, чтобы разделаться с ним. По утрам, когда я чистил платье хозяина, в карманах его брюк зве-

нели монеты; иногда они выскакивали из кармана и катились по полу; однажды какая-то провалилась в щель под лестницу, в дровяник; я позабыл сказать об этом и вспомнил лишь через несколько дней, найдя двугривенный в дровах. Когда я отдал его хозяину; жена сказала ему:

— Вот видишь? Надо считать деньги, когда оставляешь в карманах.

Но хозяин сказал, улыбаясь мне:

— Он не украдет, я знаю!

Теперь, решив украсть, я вспомнил эти слова, его доверчивую улыбку и почувствовал, как мне трудно будет украсть. Несколько раз я вынимал из кармана серебро, считал его и не мог решиться взять. Дня три я мучился с этим, и вдруг все разрешилось очень быстро и просто — хозяин неожиданно спросил меня:

— Ты, что, Пешков, скуч-

ный стал? нездоровится, что-ли?

Я откровенно рассказал ему все мои печали; он нахмурился.

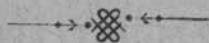
— Вот видишь, к чему они ведут, книжки-то! От них—так или этак—непреремненно беда...

Дал полтинник и посоветовал строго:

— Смотри-же, не проболтайся жене, али матери—шум будет!

Потом, добродушно усмехаясь, сказал:

— Настойчив ты, чорт
тебя возьми! Ничего, это
хорошо. Однако—книжки
брось!

Цена 12 руб.
без книгопр. скидки

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ „НАЧАТКИ ЗНАНИЙ“
НООПЕРАТИВНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

Правление: Петроград, 7-я Рождественская ул., 21. Телефон № 182-02

Серия учебников для взрослых.

- № 1. В. Зеленко и Г. Тумим.—К свету.
Букварь с рисунками художн. Бучкина.
- № 2. В. Зеленко и Г. Тумим.—К свету.
Книга для чтения. Часть I.
- № 3. В. Зеленко и Г. Тумим.—К свету.
Книга для чтения. Часть II и III.
- № 4. Б. Соколов и Г. Тумим.—Грамматика (готовится
к печати).

Готовятся учебники по арифметике, геометрии, алгебре
и друг. предм.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Книжный маг.: Просп. 25 Октября, 110 (бывш. Невский пр.).

Правление: 7-я Рождественская, 21, кв. 3.

— Так его, поди, учили.
— Вот в том то и штука, что нет,—он сам до всего дошел, самоучкой был. Напротив—мать и отец все время сердились и не давали заниматься. Нарочно рано женили, чтобы он бросил науки.

— Ну, а он что?

— А он делал свое: по ночам вставал, не доедал, не допивал из-за наук и дошел до всего своим трудом. Сам трубу придумал и своими руками сделал. В эту трубу он рассматри-